

Унагаев М. А.

Магистрант, Дальневосточный Федеральный Университет

Научный руководитель: Машовец С. П., д.п.н

Профессор, Дальневосточный Федеральный Университет

г. Владивосток, Россия

**УПРАВЛЕНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ
В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Аннотация: в статье представлен обзор теоретических подходов и нормативно-правовой базы организации межведомственного взаимодействия в сфере экологического просвещения молодежи. На основе анализа научной литературы и законодательных актов выявлено противоречие между декларируемой необходимостью координации субъектов экологического просвещения и отсутствием закрепленных организационных механизмов для совместной деятельности ведомств. Обоснована потребность в разработке целостной модели, обеспечивающей согласование действий всех участников экологического просвещения.

Ключевые слова: экологическое просвещение, межведомственное взаимодействие, публичное управление, модель управления, нормативно-правовая база, институциональная структура.

Unagaev M. A.

Master's Student, Far Eastern Federal University

Scientific Advisor: Mashovets S. P., PhD

Professor, Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

MANAGEMENT OF INTERAGENCY INTERACTION IN THE SYSTEM OF ENVIRONMENTAL EDUCATION OF YOUTH: THEORETICAL FOUNDATIONS AND REGULATORY AND LEGAL ANALYSIS

Abstract: The article provides an overview of theoretical approaches and the regulatory framework for organizing interdepartmental cooperation in the field of environmental education for young people. Based on an analysis of scientific literature and legislative acts, the article identifies a contradiction between the declared need for coordination among the actors involved in environmental education and the lack of established organizational mechanisms for joint activities among different agencies. The article substantiates the need for a comprehensive model that ensures the coordination of actions among all participants in environmental education.

Keywords: environmental education, interdepartmental cooperation, public administration, management model, regulatory framework, institutional structure.

Актуальность темы определяется тем, что в Российской Федерации экологическое просвещение осуществляется при участии значительного числа государственных органов, образовательных и общественных организаций, что объективно требует координации их деятельности. Статья 74 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» определяет, что экологическое просвещение осуществляется органами государственной власти всех уровней, общественными объединениями, образовательными и природоохранными организациями, учреждениями культуры, средствами массовой информации и иными юридическими лицами [2]. Законодательное закрепление столь широкого круга субъектов подчеркивает комплексный характер просветительской деятельности, но одновременно порождает необходимость согласования их целей, распределения функций и координации совместных действий.

Однако анализ научной литературы и нормативно-правовых актов выявляет противоречие между провозглашенной необходимостью межведомственной координации и отсутствием действенных управленческих механизмов ее реализации. Л. Г. Ключанова на основе формально-юридического анализа констатирует: «Единого специального нормативного акта, посвященного проблеме просвещения или экологического просвещения, отечественный законодатель на федеральном уровне не разработал» [6, с. 262]. Эта констатация, на наш взгляд, является не просто фиксацией проблемы, а ее отражением, а именно того, что государство признает важность экологического просвещения на стратегическом уровне, но до сих пор не сформировало для него полноценной правовой оболочки, оставляя эту сферу в состоянии нормативной раздробленности. Мы разделяем позицию о том, что модернизация экологической политики невозможна без синхронного обновления и правовых, и управленческих инструментов. Именно эту мысль акцентирует М. М. Мухлынина: «правовые способы решения экологических проблем в рамках достижения ЦУР в сфере реализации стратегического планирования России требуют изменений как на уровне нормативной правовой базы, так и на организационно-управленческом уровне во всех сферах жизнедеятельности страны» [7, с. 78].

Кроме того, существующие исследования либо выполнены применительно к социальной сфере в целом, либо не учитывают специфику экологического просвещения молодежи как особого объекта публичного управления. Пересечение этих двух полей – управленческих механизмов координации и экологического просвещения молодежи – остается практически не изученным. Отсутствуют научно обоснованные модели распределения полномочий, согласования планов, консолидации ресурсов и оценки совместной результативности различных ведомств в данной сфере. Выявленные проблемы актуализируют необходимость дальнейшего исследования межведомственного взаимодействия в системе экологического просвещения.

Понятие «экологическое просвещение» закреплено в части 1 статьи 74 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»: в целях формирования экологической культуры в обществе, воспитания бережного отношения к природе, рационального использования природных ресурсов осуществляется «экологическое просвещение посредством распространения экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов» [2]. С точки зрения управления, это означает, что любые модели координации должны быть нацелены не только на расширение охвата молодежи просветительскими мероприятиями, но и на формирование у нее экологически ответственного отношения к окружающей среде. Содержание экологического просвещения не должно сводиться лишь к передаче экологических знаний молодежи. Л. Г. Клюканова отмечает: «экологическое просвещение нельзя рассматривать лишь с позиций простого распространения и усвоения информации. Следует учитывать ценностно-ориентированную константу, предполагающую формирование цели такого просвещения – ответственного отношения к окружающей среде как величайшей ценности человечества» [6, с. 262-263].

Структура экологического просвещения как объекта публичного управления раскрывается через совокупность его субъектов, закрепленную в части 2 статьи 74 Федерального закона № 7-ФЗ: информирование населения осуществляется «органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, средствами массовой информации, общественными объединениями и другими негосударственными некоммерческими организациями, иными юридическими лицами, гражданами.» [2]. Широта этого перечня, с одной стороны, отражает комплексный межведомственный характер просветительской деятельности, с другой – порождает институциональную разобщенность при отсутствии единого координационного механизма.

Эмпирические исследования Зинченко, Понамарева, Хаустова подтверждают, что на практике отсутствует единое понимание экологического просвещения среди субъектов этой деятельности, а организаторы просветительских мероприятий в своей деятельности не руководствуются нормативными правовыми документами, закрепляющими понятие экологического просвещения [6].

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляет экологическое просвещение в качестве одного из направлений государственной экологической политики, однако ограничивается рамочным регулированием: статья 74 определяет круг субъектов просветительской деятельности, но не устанавливает ни порядка их взаимодействия, ни механизмов координации, ни критериев оценки совместной результативности [2]. Л. Г. Ключанова, анализируя данный законодательный пробел, указывает, что «управление в области экологического просвещения представляет собой деятельность органов публичной власти по созданию условий для формирования общественного и личностного экологизированного ответственного сознания, создания и поддержания системы непрерывного экологического образования, координации деятельности юридических и физических лиц по развитию экологической культуры каждого человека и общества в целом» [6, с. 266]. Это определение, по сути, задает идеальную модель, с которой можно сопоставлять реальное состояние дел. Проведённый нами анализ показывает, что ключевым элементом данной модели является координационная деятельность, которая на федеральном уровне остаётся наименее проработанной в нормативном плане. Это подтверждает и сама Ключанова: «в данном контексте уместно говорить о согласованности действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, образовательных организаций, заинтересованных общественных объединений и граждан в сфере экологического просвещения» [6, с. 266]. Данный тезис представляется обоснованным, поскольку он переводит проблему из плоскости

абстрактных призывов в практическое русло – именно согласованность, а не просто взаимодействие, должна стать критерием эффективности управленческой модели. При этом конкретные правовые инструменты обеспечения такой согласованности в федеральном законодательстве отсутствуют.

Нормативные основания экологического просвещения не исчерпываются положениями Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Существенное значение имеет конституционное закрепление соответствующих полномочий Правительства Российской Федерации. В 2020 году в статью 114 Конституции Российской Федерации были внесены изменения, в результате которых подпункт «е.6» возложил на Правительство РФ обязанность создавать условия для развития системы экологического образования граждан и воспитания экологической культуры [1]. Это положение сформировало дополнительную конституционно-правовую основу для развития государственной политики в данной сфере. Как отмечает М. М. Мухлынина, «в результате изменений, внесенных в ст. 114 Конституции РФ в 2020 г., произошло расширение перечня полномочий Правительства РФ и закрепление новых конституционно-правовых ориентиров его деятельности» [7, с. 82]. Вместе с тем расширение полномочий само по себе не обеспечивает автоматического совершенствования системы экологического просвещения. Э. Э. Баринов справедливо указывает, что за период, прошедший после конституционной реформы, «никаких значительных изменений в системе экологического образования и повышения экологической культуры замечено не было» [4, с. 100]. Данная оценка представляется обоснованной и свидетельствует о том, что конституционные нормы создают необходимую правовую опору, однако их практическая реализация требует разработки действенных организационно-управленческих механизмов, обеспечивающих координацию деятельности органов государственной власти, образовательных организаций и институтов гражданского общества.

На региональном уровне предприняты попытки восполнить нормативные пробелы федерального законодательства. Так, Закон Республики Бурятия от 26.12.2022 № 2448-VI «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Республике Бурятия» не ограничился отсылкой к федеральным нормам, а ввёл собственное определение экологического просвещения, хотя и близкое по смыслу к данному в Федеральном законе № 7-ФЗ. Кроме того, закон предусматривает организацию и проведение экологических мероприятий с участием обучающихся согласно общему сводному календарному плану (ст. 8) и закрепляет формы экологического просвещения (ст. 9) [3]. Примечательно, что региональный законодатель демонстрирует определённое единство подходов: по оценке Л. Г. Клюкановой, «законотворчество субъектов Российской Федерации по вопросу определения данного термина развивается в едином ключе» [6, с. 263]. С этим трудно не согласиться – такое терминологическое единство способно создать предпосылки для унификации понятийной базы, что облегчило бы разработку сопоставимых управленческих моделей. Однако, как указывает тот же автор, сохраняется правовая неопределённость: «понятие экологическое просвещение зачастую смешивается или, во всяком случае, рассматривается в едином комплексе с экологическим образованием и экологической культурой, и, хотя они в широком контексте понимания неотделимы друг от друга, все же это самостоятельные институциональные категории, наделенные собственными задачами и содержанием» [6, с. 263–264]. На наш взгляд, такое смешение на практике ведёт к размыванию ответственности: когда просвещение отождествляется с образованием, оно рискует потерять специфику инструмента формирования ценностей. Вместе с тем анализ закона показывает, что и на региональном уровне механизм межведомственной координации остаётся неформализованным: закон декларирует необходимость взаимодействия, но не предусматривает конкретных организационных форм, процедур согласования

планов и оценки эффективности совместной деятельности субъектов экологического просвещения.

Сопоставление федерального и регионального уровней нормативного регулирования позволяет зафиксировать несколько устойчивых дефицитов. Во-первых, экологическое просвещение распределено по различным федеральным проектам и ведомственным программам, но не выделено в самостоятельный управленческий контур. Во-вторых, ни на федеральном, ни на региональном уровне не определен единый координирующий субъект, ответственный за согласование целей, планов и показателей результативности в сфере экологического просвещения молодежи. В-третьих, отсутствуют регламентированные процедуры совместного планирования и мониторинга, что воспроизводит фрагментарность просветительской деятельности.

Таким образом, экологическое просвещение молодежи как объект публичного управления характеризуется: а) законодательно закреплённой множественностью субъектов при отсутствии единого координационного механизма; б) разграничением на федеральном и региональном уровнях при сохранении терминологической неопределённости; в) конституционным закреплением обязанности Правительства РФ создавать условия для развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры, практическая реализация которой, по оценкам исследователей, остаётся недостаточной. Эти обстоятельства указывают на системный управленческий разрыв: провозглашённая на стратегическом уровне необходимость координации субъектов экологического просвещения не подкреплена адекватными организационно-правовыми механизмами. В связи с этим обоснована потребность в разработке комплексной модели управления межведомственным взаимодействием, которая включала бы закрепление координационного центра, регламентацию процедур согласования и единые критерии оценки результативности.

В научной литературе понятие межведомственного взаимодействия получило несколько концептуальных интерпретаций, различающихся по широте охвата и акцентам на тех или иных аспектах координационной деятельности. Наиболее развернутое определение предложено Т. Н. Протасовой, которая рассматривает «межведомственное взаимодействие в социальной сфере как процесс согласования форм, средств и методик заключения общезначимых общественных задач с учетом интересов населения и территориально-управленческой специфичности взаимодействующих сторон» [9, с. 8]. Данное определение задает важный вектор для проектирования координационных механизмов: они должны быть не просто административными процедурами, а гибкими процессами, учитывающими региональные и отраслевые особенности. Таким образом, данный подход фиксирует две сущностные характеристики межведомственного взаимодействия: во-первых, его процессуальный характер как длящейся во времени согласительной деятельности, во-вторых, обусловленность территориальными и управленческими особенностями конкретного региона.

Препятствия, затрудняющие реализацию такого взаимодействия на практике, систематизированы в работе Е. С. Мурлыкиной. Автор выделяет несколько ключевых барьеров: «инертность органов власти при организации межведомственного взаимодействия (инициатива общих поступков, как правило, исходит от представителей социальных организаций)»; «личностные особенности глав организаций и учреждений (взаимодействие расценивается как дополнительная нагрузка, низкий уровень коммуникативных способностей)»; «присутствует определенный уровень недоверия к общественным организациям»; «отсутствует законодательная основа, регламентирующая главные механизмы взаимодействия органов государственной власти и социальных объединений, а также ненадлежащее выполнение функции координирующим органом» [8, с. 273-274]. Выделенные барьеры могут быть классифицированы на институциональные и субъективные,

и, на наш взгляд, именно институциональные (отсутствие законодательной основы) являются первичными по отношению к остальным, порождая и инертность, и недоверие. Совокупность перечисленных барьеров создает ситуацию, при которой межведомственная координация либо не инициируется вовсе, либо подменяется эпизодическими контактами, основанными на личных договоренностях отдельных руководителей.

Применительно к сфере экологического просвещения указанные барьеры приобретают дополнительную остроту в силу ведомственной разобщенности субъектов. Ситуация усугубляется тем, что существующая система управления не поспевает за декларируемыми стратегическими приоритетами. М. М. Мухлынина, анализируя состояние экологической политики, констатирует необходимость изменений как нормативной правовой базы, так и организационно-управленческого уровня во всех сферах жизнедеятельности страны [7, с. 78]. Применительно к экологическому просвещению это означает, что одних законодательных деклараций недостаточно – требуются конкретные организационные механизмы, обеспечивающие переход от разрозненных инициатив к скоординированной системе.

Таким образом, теоретические подходы к межведомственному взаимодействию позволяют выделить его ключевые характеристики: процессуальный характер, зависимость от качества нормативной базы и наличие устойчивых институциональных барьеров. Применительно к экологическому просвещению молодежи эти подходы создают методологическую основу для проектирования комплексной модели управления, способной интегрировать разрозненные усилия субъектов и обеспечить переход от фрагментарных инициатив к целостной системе.

Проведенный обзор научной литературы и нормативных правовых актов позволяет зафиксировать принципиальный разрыв между стратегическим целеполаганием в сфере экологического просвещения молодежи и реальным состоянием управленческих механизмов, призванных обеспечить

межведомственную координацию. На федеральном уровне экологическое просвещение признается значимым направлением государственной политики: оно закреплено в статье 74 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», входит в число конституционных полномочий Правительства РФ (ст. 114), интегрировано в национальные проекты. На региональном уровне приняты специализированные законы, определяющие цели, задачи и субъектный состав просветительской деятельности. Однако ни один из рассмотренных нормативных правовых актов не содержит нормативно закреплённой модели управления межведомственным взаимодействием: не определен единый координирующий субъект, не установлены процедуры согласования целей и показателей, не предусмотрена система оценки совместной результативности.

Э. Э. Баринов обращает внимание на непоследовательность государственной политики в сфере экологического образования и просвещения: «политику современного российского государства в сфере экологического образования и просвещения нельзя назвать последовательной. Напомним, что в 2013 году из текста Федерального закона «Об охране окружающей среды» была удалена статья 72, которая делала обязательным преподавание основ экологических знаний в образовательных учреждениях» [4, с. 100]. Данный пример наглядно иллюстрирует, как единичное законодательное решение способно существенно трансформировать формировавшийся годами механизм. С точки зрения управления, отмена данной нормы не упразднила экологическое просвещение как таковое, но ослабила институциональные гарантии его реализации, переведя соответствующие обязанности из разряда жёстко закреплённых в категорию диспозитивных». Проведенный обзор федеральных и региональных правовых документов свидетельствует о наличии системного управленческого разрыва: экологическое просвещение признается значимым на стратегическом уровне, однако нормативно закреплённая модель управления межведомственным взаимодействием отсутствует, единый координирующий

субъект не определен, процедуры согласования целей и показателей между ведомствами не установлены.

Данная ситуация иллюстрирует фрагментарность, фиксируемую на эмпирическом уровне. Исследования подтверждают фрагментарность системы экологического просвещения, а отсутствие единого нормативного фундамента закономерно порождает разноречивость в практической деятельности. Я. Г. Зинченко, А. Б. Понамарев и А. К. Хаустова на основе глубинных интервью с представителями организаций дополнительного образования установили, что «экологическое просвещение интерпретируется всеми акторами по-разному. Ни один из информантов не ссылался на какие-либо документы, дающие определение экологическому просвещению»; кроме того, по их данным, «главная проблема программ экологического просвещения – отсутствие системного подхода на всех уровнях» [5, с. 122]. Данный вывод совпадает с логикой нашего исследования: системность не может возникнуть стихийно – она должна быть заложена в управленческую модель, которая пока отсутствует. Р. П. Софронов, исследуя систему дополнительного экологического образования, отмечает, что «представленные во ФГОС направления развития экологического мировоззрения и формирования экологической культуры в рамках дополнительного школьного образования должны быть наполнены конкретным общественно значимым содержанием, связанным в том числе с местными региональными проблемами и обстановкой... всё это позволит включить дополнительное экологическое образование, развитие экологической культуры в общую систему гражданско-патриотического воспитания современных школьников» [10, с. 20]. Мы считаем эту рекомендацию особенно важной для проектирования региональных моделей управления, т.к. только привязка к местным реалиям превращает формальные образовательные ориентиры в действенный инструмент формирования экологической культуры. Барьеры межведомственного взаимодействия, выделенные Е. С. Мурлыкиной, – инертность органов власти, личностные особенности руководителей, недоверие

к общественным организациям, отсутствие законодательной основы [8] – в полной мере проявляются и в сфере экологического просвещения, усугубляясь ведомственной разобщенностью.

Теоретические подходы (Мурлыкина, Протасова) подтверждают институциональный характер выявленных барьеров [8;9].

Сопоставление трех групп источников – нормативно-правовых, теоретических и эмпирических – позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, экологическое просвещение молодежи как объект публичного управления характеризуется законодательно закрепленной множественностью субъектов при отсутствии единого координационного механизма. Л. Г. Клюканова обоснованно констатирует отсутствие единого специального нормативного акта, посвященного экологическому просвещению, на федеральном уровне [6, с.262], а существующее регулирование не обеспечивает согласованности действий участников просветительской деятельности.

Во-вторых, теоретические подходы к межведомственному взаимодействию (Т. Н. Протасова, Е. С. Мурлыкина) позволяют выделить его ключевые характеристики – процессуальность, этапность, зависимость от нормативной базы и наличие устойчивых институциональных барьеров, – которые в полной мере проявляются в сфере экологического просвещения.

В-третьих, сопоставление федерального и регионального уровней нормативного регулирования выявляет общую закономерность: стратегические установки на развитие экологического образования и просвещения не подкреплены обязательными процедурами координации, что воспроизводит фрагментарность просветительской деятельности независимо от территориального масштаба.

В-четвертых, анализ федерального и регионального законодательства свидетельствует, что экологическое просвещение встроено в различные

федеральные проекты, но не оформлено как самостоятельный управленческий контур, а координационные механизмы либо отсутствуют, либо носят рекомендательный характер.

Совокупность полученных выводов обосновывает потребность в разработке комплексной модели управления межведомственным взаимодействием в системе экологического просвещения молодежи. Такая модель должна включать закрепление координационного центра с четкими полномочиями, регламентированные процедуры совместного планирования и мониторинга, единые критерии оценки результативности. Ограничением проведенного обзора является его преимущественная опора на анализ нормативных документов и теоретических работ при ограниченном объеме эмпирических данных. Дальнейшие исследования целесообразно направить на сбор и анализ первичных данных о практиках межведомственного взаимодействия в конкретных регионах.

Использованные источники:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.04.2026). – Текст: электронный.

2. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 24.04.2026).

3. Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Республике Бурятия: Закон Республики Бурятия от

26.12.2022 № 2448-VI [принят Народным Хуралом Республики Бурятия 15.12.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2022. – 26 декабря. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0300202212260014> (дата обращения: 07.04.2026).

4. Баринов, Э. Э. Конституционно-правовые основы экологической культуры в современной России / Э. Э. Баринов // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 12 ноября 2021 года. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. – С. 98-101. – EDN LDWAJC.

5. Зинченко, Я. Г. Состояние развития практик экологического просвещения в России: по материалам качественных исследований / Я. Г. Зинченко, А. Б. Понамарев, А. К. Хаустова // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Т. 6, вып. 4 (22). – С. 113-124.

6. Клюканова, Л. Г. Экологическое просвещение как научно-образовательный, управленческий и информационный ресурс современного общества // Образование и право. – 2018. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-prosveschenie-kak-nauchno-obrazovatelnyy-upravlencheskiy-i-informatsionnyy-resurs-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 13.04.2026).

7. Мухлынина, М. М. Модернизация правового регулирования охраны окружающей среды и экологической политики России на современном этапе // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-pravovogo-regulirovaniya-ohrany-okruzhayuschey-sredy-i-ekologicheskoy-politiki-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 16.04.2026).

8. Мурлыкина, Е. С. Межведомственное взаимодействие: основная проблематика и пути совершенствования системы // Форум молодых ученых. –

2021. – № 5 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhvedomstvennoe-vzaimodeystvie-osnovnaya-problematika-i-puti-sovershenstvovaniya-sistemy> (дата обращения: 14.04.2026).

9. Протасова, Т. Н. Межведомственное взаимодействие учреждений социальной сферы в решении проблем сиротства на территории: специальность 22.00.08 «Социология управления»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Т. Н. Протасова. – Кемерово, 2004. – 21 с. – EDN NHTIWF.

10. Софронов, Р. П. Система школьного дополнительного экологического образования как основа формирования экологической культуры обучающихся // Известия ВГПУ. – 2019. – № 7 (140). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-shkolnogo-dopolnitelnogo-ekologicheskogo-obrazovaniya-kak-osnova-formirovaniya-ekologicheskoy-kultury-obuchayuschih-sya> (дата обращения: 15.04.2026).